

ПРЕДДВЕРИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА ИЛИ CONTRA SPERM SPERO?

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА
МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ

Аннотация: Статья содержит характеристику мирополитического контекста, оказывающего влияние на эволюцию военно-политической сферы, анализу которой посвящены статьи представляемого выпуска. В качестве методологической рамки предложено использование концепции турбулентности мировой политики, введенной в научный оборот Дж. Розенау в 1990 году и получившей развитие в более поздней литературе. Для адекватной интерпретации текущих тенденций военной политики предлагается принимать во внимание отличия современных конфликтов и войн от предшествовавших им форм. В частности, уместно учитывать установленные ранее в литературе отличия тотальных и ограниченных войн. Другой концептуальной характеристикой современных войн является сформулированная в доктринальных документах США теория «мировойны»/«войномира», в рамках которой военные конфликты и их границы обретают нечеткий характер, а противостоящие стороны включают в себя как войсковые подразделения, так и иррегулярные формирования.

Отмечается, что для России проблема безопасности – исторически ключевая проблема, определенная геополитическим расположением государства с протяженными сухопутными границами. Это отразилось на конфигурации российской государственности с ее традиционным акцентом на жесткой иерархии управления, строго вертикальном алгоритме принятия решений и централизации территориального устройства, вследствие чего иерархизация выступала не просто атрибутом исторической эволюции России, но архетипической формой организации политического пространства страны. В современном мире матрица социальной организации меняется – рядом с иерархией возникает сеть, что проблематизирует безальтернативность иерархического алгоритма принятия решений и актуализирует обновление концепций безопасности.

Ключевые слова: турбулентность, мировая политика, безопасность, обороноспособность, военная политика

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии, МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политической науки; профессор, НИУ ВШЭ; главный редактор журнала «Сравнительная политика», член Общественной палаты РФ и ОП Москвы, заместитель председателя Общественного Совета при Минобрнауки РФ, профессор-исследователь НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Представляемый номер посвящен военно-политической тематике, которая в последние годы, к сожалению, выдвинулась в центр экспертных дискуссий по профилю политической науки и международных отношений. Нельзя сказать, что повод к тому в 2022 году возник неожиданно – эксперты и прежде – после государственного переворота на Украине в 2014 году и даже еще ранее, в 2008 году – предупреждали о возможности подобного развития событий. Достаточно упомянуть опубликованный в начале 2015 г. доклад Всемирного экономического форума о непосредственных глобальных рисках, в котором 900 всемирно признанных экспертов впервые за предшествовавшие 20 лет на первое место поставили геополитические риски межгосударственных конфликтов¹. Другой опрос, проведенный в феврале 2015 г. в США журналом *"Foreign Policy"* с привлечением более тысячи американских экспертов, показал, что также впервые за предшествовавшие 20 лет риск прямого военного столкновения США с Россией был оценен выше, чем между США и Китаем. Беспрецедентными для периода после Второй мировой войны стали масштаб, жесткость и системность реакции западных политико-формирующих кругов в 2022 году на стремление России защитить свои интересы: попытки «отмены» России распространились не только на военно-политическую область, но также на российскую экономику и культуру. Практически одновременно открытый мир Юргена Хабермаса с его акцентуацией значимости публичной делиберативной коммуникации (Хабермас, 2023; Хабермас, 2000) уступил место миру Карла Шмидта – холодному миру, жестко разделенному на друзей и врагов (Шмидт, 1992)... Решимость Запада в использовании военных средств для давления на Россию в немалой степени обусловлена притуплением у западных политиков за предшествовавшие десятилетия страха глобального военного столкновения и забвением возможных последствий подобного столкновения. В данном контексте уместно вспомнить относящееся к 1919 году знаменитое пророчество Освальда Шпенглера, когда вскоре после завершения Первой мировой войны он дал поразивший современников ответ на вопрос о возможности нового глобального столкновения. Потрясенная масштабом и последствиями общемировой бойни Европа была поражена прогнозом Шпенглера, убежденного, что новая мировая война не только возможна, но неизбежна, и даже предположил, что произойдет она через двадцать лет. Свою позицию Шпенглер пояснил тем, что в этом временном интервале вырастет новое поколение, не познавшее ужасов войны. К сожалению, последовавшие события подтвердили прогноз Шпенглера: именно в 1939 году началась Вторая мировая война.

Благодаря созданным после ее завершения при ведущей роли СССР институтам глобального управления, прежде всего Организации Объединенных Наций, мировому сообществу удавалось избегать всемирных войн

¹ *ЭлитТрейдер* (2015) Главный риск 2015 года – война. 14 июня. Available at: <http://elitetrader.ru/index.php?newsid=253413> (дата обращения: 20.11.2024).

почти 80 лет. Однако в течение этих десятилетий выросли три поколения, для которых память о войне стала достоянием далекого прошлого. Сегодняшняя политическая доминанта выражается знаменитой фразой Александра Хейга «*Есть вещи поважнее мира*» ...

И потому не вызывает удивления другой, более близкий по времени, прогноз. Профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, который еще в 2006 г. с 70% вероятностью предсказал крах пузыря на рынке жилья и рецессию в США в 2008–09 годах (за что и получил прозвище «Доктор Рок», хотя сам он предпочитает «Доктор Реалист»), в интервью газете *"Financial Times"*, представляя свою новую книгу «Мегаугрозы», сказал: «Я думаю, что мир сейчас похож на крушение поезда в режиме замедленной съемки. Появились новые серьезные угрозы, которых раньше не было, они усиливаются, а мы почти ничего не делаем»². В упомянутой книге, которую сразу после публикации назвали «музеем ужасов», он дал еще один прогноз, не менее «оптимистичный»: не исключено, что человечеству предстоят мрачные века, аналогичные эпохе с 1914 по 1945 год...

Действительно, мы вступили в период штормовой глобальной турбулентности, и оказалось, что восемьдесят лет отсутствия общемировых войн и относительного процветания были, скорее, исключением из обычного для предшествовавших эпох хода истории. Если исходить из того, что историческая хроника – это череда конфликтов и войн, голода и болезней, то, похоже, мир возвращается к своему обычному состоянию. Перефразируя Уильяма Шекспира и Джона Стейнбека, можно констатировать, что, кажется, наступила *зима тревоги нашей*, и глобальная турбулентность сегодня – уже не фигура речи и не потенциальная возможность, а реальность.

Феномен глобальной турбулентности впервые получил концептуализацию в литературе в момент первой его масштабной волны – на рубеже 1980–1990-х годов, ознаменованном пересмотром послевоенных границ в Европе, символом которой стало падение Берлинской стены, а вехами – разрушение мировой социалистической системы, распад СССР, Югославии и Чехословакии. В начале 1990-х годов американский теоретик международных отношений Джеймс Розенау в опубликованной в 1990 году работе *"Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity"* (Rosenau, 1990) предложил концепцию «*турбулентности мировой политики*» для характеристики ее переходного состояния, когда старые правила еще действуют, но новые уже входят в силу. Результатом этого совмещения становится вхождение мировой политики в «зону турбулентности».

В последующем эти идеи были детализированы, и в настоящее время под турбулентностью понимают динамику изменений миропорядка, «характеризующуюся перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично

² Roubini N. (2022) 'I hope I didn't depress you too much'. *Financial Times*, 18 December. Available at: <https://www.ft.com/content/b86825e3-5e34-4817-801f-0e0c190bcbbb> (accessed 23 November 2024).

контролируемую отдельными акторами мировой политики» (Полулях, 2017: 249). Были подвергнуты анализу разнообразные источники турбулентности XXI века, отсчет которого уместно вести с момента завершения в 1991 году «короткого двадцатого века» (Хобсбаум, 2004).

К числу таких источников обоснованно отнести природную среду, которая содержит в себе источники пульсации и чревата катаклизмами (стихийные бедствия, изменения климата и др.), способными генерировать дестабилизацию социотехнических систем; антропогенное воздействие на природу, климат планеты и крупные экосистемы, включая хищническое истребление ресурсов, исчезновение лесов, истощение «экологически дружественной почвы»; нестабильную демографию. Другим значимым источником нестабильности выступает новая технологическая революция, имеющая принципиальное отличие от предшествующих. Если прежние технологические сдвиги *меняли мир человека*, то использование результатов нынешнего сдвига способно *изменить самого человека*. Речь идет о био-техно-информационных технологиях, включая искусственный интеллект и новейшие биологические инновации. Эти тектонические сдвиги способствуют гигантскому расширению возможностей отдельных индивидов оказывать влияние на социум. Как отмечает Р. Хаас, простое возрастание числа *«стран-участниц делает консенсус труднодостижимым или даже невозможным»* (Хаас, 2014). Многократное умножение акторов чревата ростом хаотизации в геометрической прогрессии и обуславливает рост взаимозависимости людей и обществ, обретающей малоконтролируемый характер. Мгновенная передача сообщений, изображений и идей, быстрая транспортировка людей и товаров наносят удар по способности правительств эффективно контролировать границы и информационное пространство, обеспечивать безопасность населения. Еще одним следствием технологической революции становится транснационализация асоциального поведения, прежде всего транснациональной преступности. Наконец, помимо природных и технологических источников мировой нестабильности следует назвать собственно политические по природе и генезису источники – противоречия и конфликты в рамках мировой политической системы.

Одним из следствий этой реорганизации становится новое качество турбулентности, обусловленное наслоением целого ряда источников возмущений, вхождением их в резонанс и возникновением вследствие этого «идеального шторма». Опосредованным его следствием является *эффект бабочки* – значительная взаимосвязанность индивидуумов и обществ, когда проблемы одного социума больно отзываются на другом конце мира. Описанный в работах Э. Гидденса и У. Бека еще в конце XX века процесс глобальной трансформации – *«ускользающий мир»* (Э. Гидденс), *«общество риска»* (У. Бек), переход к *«другому модерну»* (Бек, 2007; Гидденс, 2004) – обретает формат «изменения основ изменения» (Бек, 2000: 16). Неизбежным следствием и оборотной стороной усложнения социальных связей предстает многократно возросшая хрупкость современного мира (Талеб, 2014).

Применительно к мировой экономике, Нуриэль Рубини в вышеупомянутой книге конкретизирует угрозы, называя грядущую стагфляцию, долговой кризис, демографическую бомбу замедленного действия, ловушку легких денег, крах валют, господство финансовой нестабильности, конец глобализации, угрозу искусственного интеллекта, новую холодную войну.

Источники турбулентности политической сферы эксперты правомерно усматривают в образно сформулированной Грэмом Алисоном «ловушке Фукидида», когда уходящий гегемон стремится воспрепятствовать восходящей державе посредством войны (Allison, 2017: xv-xvi). Позиция участников мировой системы различна: Россия и Китай стремятся отстоять право на реализацию собственных интересов и стратегий, хотя и различными путями и средствами. Ряд других акторов пытаются восстановить свое бывшее величие – например, восходящее к временам Османской Порты и Британской империи.

В контексте размышлений над текущей международной конфликтностью необходимо принять во внимание изменение целей и характера современных войн и эволюцию их концептуального осмысления. Что касается первого, то современные эксперты, развивая идеи К. Клаузевица, различают тотальные и ограниченные войны. Разграничение определено не количеством погибших и не масштабом военных действий, а целями. Цель тотальной войны – полностью разгромить противника, уничтожить его или принудить к капитуляции. Цель ограниченной войны принципиально иная – принудить противника к компромиссу, к локальным уступкам, в результате которых противник вынужден пойти на заключение невыгодного для него соглашения. Такой тип войн преобладал во второй половине XVII и в XVIII вв.; таковы и разворачивающиеся в начале XXI в. ограниченные войны, которые потенциально чреваты более крупными военными конфликтами (Фененко, 2015). В этом также можно увидеть проявление противоречивого характера политики, сочетающей сверхсовременные инструменты и инновационные технологии противостояния (кибероружие, радиоэлектроника и др.) с заимствованными из древности приемами.

Для понимания актуальных тенденций в концептуализации современных войн уместно обратиться также к официальным документам. Так, в частности, в разработанной еще десять лет назад – в 2014 г. – Новой оперативной концепции армии США «Победа в сложном мире 2020–2040» – впервые на уровне официального документа было зафиксировано принципиально новое видение облика войны. В Новой оперативной концепции впервые официально говорится, что *«жесткие противоборства будущего будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции»*. Один из разработчиков концепции, бывший командующий войсками США и союзников в Афганистане, генерал Д. Барно отмечал: *«Нам придется действовать в условиях, когда невозможно установить ни точного времени начала войны, ни момента ее завершения»* (Оперативная концепция..., 2015). Особенностью новых концепций войны оказывается отсутствие четкой грани между войной

и миром, когда интенсивность конфликтов, его участники, поля боя и сферы противоборств становятся переменными величинами. Фактически речь идет о том, что появляется новое состояние – «мировойна» или «войномир». Таким образом, особое значение придается нечеткому характеру военных конфликтов, когда в условиях жесткого противоборства противостоящие стороны включают в себя как войсковые подразделения, так и иррегулярные формирования, как ополчение, так и частные военные компании и т.п. (Оперативная концепция..., 2015).

Для России проблема безопасности – исторически ключевая проблема, что определено геополитическим расположением государства (Политический класс в современном обществе, 2012). Даже после распада СССР Российская Федерация – самое территориально протяженное государство в мире, в два раза превосходящее следующее за ней государство – Канаду и значительно опережающее такие территориально крупные страны, как Китай, США и Бразилию. Европейская часть РФ занимает 42% территории Европы, а азиатская – 19% Азии. Фактор протяженности пространства имеет для России принципиальное значение в плане восприятия проблемы безопасности, политической культуры и системы политических институтов. Главное в данном контексте – протяженная *преимущественно сухопутная граница*, что определяет ее открытость не только ветрам, но и пришельцам, не всегда добронамеренным. Действительно, история России – в значительной мере история оборонительных войн. По подсчетам русского военного историка генерала Н.Сухотина, в течение 527 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до Брест-Литовска, Россия провела в войнах 334 года, то есть почти две трети своей истории. Однако отдельный подсчет времени войн, которые вела Россия с каждой страной, даже больше, так как в течение указанного периода Россия неоднократно воевала одновременно с несколькими странами или враждебными коалициями (Никольский, 1928/1991: 184; 280).

Данные геополитические обстоятельства имели существенное значение для формирования конфигурации российского государства, определяя востребованность системной мобилизации, сопряженной с концентрацией ресурсов и усилий. Жесткая иерархия управленческого контура, строго вертикальная конфигурация процессов принятия решений, тотальная централизация территориального устройства стали не просто константами исторического движения, но архетипическими формами организации политического пространства. Иерархизация предстала атрибутом исторического движения России.

Что это означает применительно к современному прочтению проблемы национальной безопасности? Как никогда ранее очевидно, что задача обеспечения безопасности имеет более глубокий характер и не ограничена ни обычными вооружениями, ни системами массового уничтожения, ни даже состоянием экономики и инфраструктуры. Эффективная обороноспособность в значительной мере определяется современными технологиями

и развитием информационной сферы, а также, несомненно, состоянием науки и образования, и даже этически-волевыми качествами управленческого контура – не в меньшей степени, чем материальными факторами. Со времен Артура Шопенгауэра мы помним, что мир – это *«воля и представление»*.

К сказанному стоит добавить такой значимый фактор трансформации императивов безопасности, как *цифровизация*. В данной связи важно то, что масштабная и всеобъемлющая цифровая трансформация меняет не только саму реальность и ее значимые с точки зрения императивов безопасности параметры, но *меняет матрицу социальной организации*. Матрица иерархии становится не то чтобы вовсе не конгруэнтной характеру реальности – она становится ограничено релевантной, поскольку одной из значимых характеристик текущей реальности предстает *распределенная конфигурация*. Вертикальная организация не уходит в прошлое окончательно – она утрачивает безальтернативный характер: рядом с ней возникает сеть, которая предстает матрицей цифровой реальности.

Строго говоря, трансформация в пользу рассредоточенной организации пространства началась раньше цифровизации – не случайно одной из ключевых идей французского постмодернизма уже тридцать-сорок лет назад была фиксация неизбежного и имеющего далеко идущие последствия кризиса иерархии (История Российской ассоциации политической науки, 2015). Образом постмодернистской парадигмы предстала *ризомы*: произвольный горизонтально расширяющийся контур транслировал идею распределенного в пространстве влияния. Если предшествующие познавательные модели выстраивались по принципу «древа познания» (в котором фиксировались направление эволюции, иерархия, структура, целостность и т.п.), то постмодернистская гносеологическая парадигма обрела облик «ризомы» как разветвленной корневой системы со множеством различных «узлов» и беспорядочно переплетающихся побегов. Последние вторгаются в чужие эволюционные цепочки и образуют «поперечные связи» между «дивергентными» линиями развития, порождают несистемные и неожиданные различия, разделяют и прерывают эти цепочки, одновременно их дифференцируют и систематизируют. Более того, сама реальность обретает подобие ризомы (Иванов, 2010). Не случайно Мишель Фуко, признавая исторически конструктивную роль дисциплинарных институтов, отторгал их уместность применительно к современной ему эпохе (Фуко, 1999), а Жак Деррида осуждал заключение философской мысли в карцер (Деррида, 2007).

Упомянутые и иные масштабные с точки зрения глубины, качества и динамики трансформации в сфере безопасности требуют концептуального осмысления. Востребованы субстантивные определения и классификации рисков, вызовов, опасностей и угроз, их диверсификация в плане «мягких» и «жестких» модальностей (Динамика инноваций, 2011). Актуальность обретают также обсуждения конкретных военно-политических сюжетов, включая текущие военные установки ведущих государств НАТО по отношению к России.

Осмыслению ряда из этих сюжетов посвящен представляемый выпуск «Сравнительной политики». Журналу оказана честь выдающимся российским специалистом по профилю военно-политических и технологических аспектов международной и национальной безопасности академиком РАН А.А. Кокошиным, который любезно ответил на вопросы редакции. В этом замечательном по глубине и концептуальности интервью центральной мыслью выступает акцентирование необходимости глубокого осмысления тематики безопасности в ее всеобъемлющей интерпретации, исходным пунктом которой следует считать концепт стратегической культуры. Еще двадцать лет назад А.А. Кокошин, разрабатывая тематику стратегической культуры как фундаментального основания политики национальных государств, трактовал этот феномен в качестве имманентной характеристики не только вооруженных сил и не только государственной машины, но и национального сообщества в целом, имея в виду сохранение своеобразия мышления и действия не только при смене политического руководства и военного командования, но и даже при смене политических систем и режимов. Стратегическая культура (как близкий по содержанию и функциям политической культуре (Гаман-Голутвина, 2005) феномен) уместно интерпретировать как «конденсат» предшествующего исторического опыта военно-политических практик на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Посему столь востребовано основательное изучение опыта военных действий предшествовавших периодов. Не случайно А.А. Кокошин посвятил специальную работу наследию Сунь Цзы, в которой характеризует его знаменитый трактат «Искусство войны» как один из важнейших образцов традиционного китайского общественно-научного мышления, во многом сохраняющий свою актуальность и в XXI в. Высоко ставит А.А. Кокошин наследие К. фон Клаузевица, и особенно работы отечественных специалистов А.А. Свечина и Б.М. Шапошникова – как и целой плеяды советских и российских специалистов более позднего времени.

Но поскольку Россия – страна крупных и малых революций, сопровождавшихся резкой сменой не только политических систем и режимов, но и всеобъемлющей ротацией кадрового состава вооруженных сил, не удивительны серьезные сложности с анализом и осмыслением опыта Первой и Второй мировой войн, Гражданской войны. Они во многом были связаны с трагическими судьбами в середине XX века тех ученых и военачальников, которые обращались к этому опыту. К сожалению, тенденцию недооценки военного опыта прошлого нельзя полагать преодоленной и в настоящее время – уроки локальных войн второй половины XX века и первой четверти XXI века ожидают своих исследователей, что важно не только с точки зрения развития военной теории, но и насущно востребовано для отражения актуальных вызовов.

Еще более актуален вопрос о прогнозировании долгосрочных и среднесрочных тенденций и закономерностей в эволюции средств вооруженной борьбы. Проблема состоит в том, что скорость технологических трансформаций многократно опережает темп и качество осмысления их эволюции и перспектив, а тренды эволюции военной техносферы до сих пор остаются

слабо исследованными и мало востребованными принимающими решения лицами. Авторы «Сравнительной политики» по мере возможностей стремятся внести свой скромный вклад в восполнение данного пробела.

Остро дискуссионная в текущем контексте проблема современной военной политики – политика в ядерной сфере – представлена на опыте США Р.А. Устиновым, который знаком с темой не только теоретически. В качестве заместителя Постоянного представителя Российской Федерации при международных организациях в Вене он осведомлен о практических аспектах темы. Тем ценнее проведенный им анализ влияния на международный режим ядерного нераспространения новых форматов ядерного сотрудничества, осуществляемых Соединенными Штатами Америки со своими союзниками. Речь идет об инициированном в 2021 г. партнерстве Австралии, Великобритании и США *AUKUS*, в рамках которого планируется передача Канберре высокообогащенного ядерного материала в ядерных силовых установках субмарин. А также об анонсированной США в 2024 г. совместной с Республикой Корея политике «расширенного сдерживания». Р.А. Устинов полагает, что не вполне правомерно утверждать, что Вашингтон целенаправленно привержен курсу на дезинтеграцию Договора о нераспространении ядерного оружия. Вместе с тем жесткая ориентация США на узко трактуемые собственные геополитические интересы ведет к размыванию сути ДНЯО и всего международного режима нераспространения. Оба рассмотренных в статье кейса подтверждают: политика США вписывается в концепцию и стратегию обусловленного распространения (*conditional proliferation*), что подразумевает передачу США чувствительных технологий союзникам в целях укрепления совместного потенциала сдерживания. Несомненно, данная практика дестабилизирует режим ДНЯО – из Договора выхолащивается его смысл и международно-правовой инструментарий, который позволял на протяжении более полувека останавливать распространение ядерного оружия. Это ведет к формированию аналогичной мотивации других государств-участников ДНЯО и возникновению новой международной среды. Неизбежным следствием предстает возможное дальнейшее снижение политического веса Договора и его регулирующей роли, что определяет потребность в новых подходах к международному режиму нераспространения ядерного оружия в будущем.

Ряд представленных в выпуске статей посвящен рассмотрению военно-технической политики в европейском ареале. Естественным фокусом выступает анализ эволюции военно-технической политики в крупнейших полициях ЕС – Франции и Германии. В статьях А.Д. Давыдова и А.Ю. Чихачева получают развитие опубликованные в предыдущем выпуске «Сравнительной политики» результаты изучения сдвигов, произошедших в двух странах после 2022 года. Выявленная разница подходов двух стран состоит в том, что Франция, несмотря на заявления французского руководства о переходе к «военной экономике» и на произошедшие сдвиги в доктринальном, военно-техническом и оперативном аспектах, не связывает изменения во внутренней

политике – преимущественно экономической направленности – с внешне-политическими шоками. Тогда как Германия воспользовалась ими для того, чтобы существенно расширить свое участие в общеевропейской и мировой военной политике и нарастить свой вес в дискуссиях по военной стратегии НАТО. Если в 2021 году накануне выборов в бундестаг ни одна из партий ФРГ не представила четкую позицию по вопросу использованию военной силы во внешней политике, то, начиная с 2022 года, впервые после окончания Второй мировой войны тематика обороноспособности страны прочно заняла место одной из центральных тем общенациональной дискуссии, а ведущие партии включают военную тематику в обязательный набор тематик и имиджевых характеристик.

Что касается французского случая, то анализ А.Ю. Чихачева также подтвердил обоснованность выводов более ранних публикаций «Сравнительной политики» о том, что нынешний курс Пятой республики в сфере обороны характеризуется преимуществом. Более глубокая кооперация с членами ЕС и НАТО восходит к периоду отказа от голлистского наследия во внешней политике; приоритет в пользу качественного, а не количественного укрепления вооруженных сил соотносится с установками рубежа 1990-х–2000-х гг., когда произошел переход к профессиональному принципу комплектования вооруженных сил страны, а двукратный в годовом выражении рост оборонного бюджета объясняется подготовкой к плановой модернизации ядерного арсенала. Не просматривается также принципиальный пересмотр объема военного присутствия в различных регионах мира – ни в Западной Африке, ни на Ближнем Востоке, ни в Азиатско-Тихоокеанском регионах. Перечисленное дает автору основания для вывода: некоторые новшества в оборонной сфере действительно имеют место, но сама модель военного строительства осталась без изменений.

Две статьи выпуска посвящены рассмотрению военной политики государств Северной Европы. Столь высокое внимание к данному региону обусловлено расширением НАТО в связи с присоединением Финляндии и Швеции к альянсу, что означает повышение угроз для Российской Федерации. В условиях продолжения вооруженного конфликта высокой интенсивности в центре Европы К.В. Богданов и Д.В. Стефанович предлагают рассматривать этот процесс как элемент курса по навязыванию России издержек и растягиванию периметра ее потенциалов сдерживания. И видят в сложившейся ситуации актуальный пример дилеммы безопасности: любые действия одной из сторон по укреплению собственной безопасности другой стороной воспринимаются как угроза уже ее безопасности. Соответственно, авторы предлагают оценивать любые действия сторон не только с позиций купирования имеющихся угроз, но и в свете оптимального реагирования на предполагаемые угрозы. Эскалационный потенциал возможного военно-политического обострения на северном фланге оценивается авторами как чрезвычайно высокий и имеющий тенденцию к росту.

В своем вышеупомянутом интервью А.А. Кокошин правомерно отмечал значимость уроков прошлого для эффективного прогнозирования будущего. В этой связи обоснованным выглядит обращение Н.Е. Белухина и В.В. Воротникова к историческим параллелям на материале анализа внешней дипломатии североевропейских стран в их отношениях со странами Балтии в 1989–2004 гг. и с Украиной после 2014 г. с целью выявления соотношения преемственности и трансформации.

Проведенное с опорой на архивные материалы и мемуаристику исследование показало, что страны Северной Европы стремятся играть особую роль в расширении ЕС и НАТО, выступая в качестве проводников в евроатлантические структуры – изначально для стран Балтии, позже – для стран Восточного партнерства – и максимально ограничить влияние России на эти страны. Особенно выделяется позиция Дании, которая стремилась быть для стран Балтии драйвером на пути в структуры НАТО. После присоединения к альянсу эволюционирует в сторону ужесточения позиция Швеции, которая ранее фокусировалась на экономических инициативах. В любом случае страны Северной Европы совпадают в своем энергичном стремлении к углубленной интеграции в институты ЕС и НАТО и отказу от прежней особой позиции в сфере внешней и оборонной политики, что свидетельствует о долгосрочном характере их стратегического курса на противостояние России.

Достоинны поддержки усилия по концептуализации процессов в военно-политической сфере, что представлено в настоящем выпуске молодыми исследователями Е.И. Учайевым и А.А. Квартальным с опорой на одну из наиболее влиятельных современных теорий международной безопасности – теорию секьюритизации – на примере попыток макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата. Успех таких попыток, которые влекут за собой принятие чрезвычайных мер по борьбе с угрозой, знаменует успешную секьюритизацию. Причины неудачных попыток макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата авторы видят в действии двух факторов. Во-первых, речь идет о том, что анархическая система суверенных государств препятствует общим действиям по решению глобальных проблем, тогда как успешная макросекьюритизация, подразумевающая принятие чрезвычайных мер в международном масштабе, требует именно таких действий. Во-вторых, в рамках государствоцентричной международной системы руководители государств склонны придерживаться неэкзистенциальных интерпретаций ядерного оружия и изменения климата.

В завершение следует обратить внимание на сфокусированную на силовых аспектах внутренней политики РФ статью Р.Ф. Туровского, М.С. Суховой и К.В. Функ, рассмотревших функционирование силовых ведомств в субъектах РФ на материале практик кадровых ротаций в региональных органах прокуратуры и региональных структурах внутренних дел за период с 1991 по весну 2023 гг. Хронологический масштаб эволюции объекта – более 30 лет – сообщает исследованию репрезентативный характер. Анализ показал, что регионы России заметно отличны друг от друга по степени интенсивности

кадровых ротаций в силовых органах, а субъекты с частыми ротациями в системах МВД и прокуратуры не совпадают между собой. Нет сомнений, что неочевидность четких объективных критериев для кадровых ротаций оставляет широкое пространство для патрон-клиентских отношений. Вместе с тем отрадно, что проведенный анализ не свидетельствует о явном доминировании патронажа в качестве фактора кадровых ротаций в силовых органах, если речь идет о руководителях соответствующих ведомств. В любом случае практики централизованного управления, восходящие к советскому периоду, имеют широкое распространение в силовых ведомствах России и проявляются в распространенных назначениях варягов и частых перемещениях между регионами, что не позволяет создавать устойчивые связи силовиков с местными элитами.

Завершая обзор представленных в выпуске разноплановых кейсов, можно предположить, что «Сравнительной политике», видимо, предстоит еще не раз обращаться к политико-военным сюжетам, ибо актуальная реальность предоставляет значительное число подтверждений известной максимы «Хочешь мира – готовься к войне». Позволю себе выразить надежду, что в том числе и от профильных экспертов зависит то, каким останется в истории нынешний период – преддверием глобального конфликта или выходом из него – несмотря на кажущееся отсутствие позитивных предпосылок к тому в моменте...

Список литературы

1. Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. 383 с.
2. Бек У. (2007) *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика*. М.: Прогресс-Традиция. 464 с.
3. Гаман-Голутвина О.В. (2005) Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли. *Политэкс* 1(2): 38–49.
4. Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.) (2012) *Политический класс в современном обществе*. Серия Библиотека РАПН, М.: РОССПЭН.
5. Гидденс Э. (2004) *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Изд-во «Весь мир». 120 с.
6. Деррида Ж. (2007) *Позиции*. М.: Академический Проспект. 160 с.
7. Иванов Е.А. (2010) *Эпистемологические проблемы постмодернистской философии истории*. Диссертация...канд филос. наук. Самара.
8. Никольский Б. (1991) Войны России. В альманахе «Русский колокол», 1928. *Наш современник* 5: 182–185.
9. Оперативная концепция армии США. Победа в сложном мире. 2020–2040 (2015) *Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции англо-саксов*. 2015. Сост. Е. Ларина, В. Овчинский. М.: Книжный мир.
10. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. (отв. ред.) (2015) *История Российской ассоциации политической науки. Сер. Российская политическая наука: истоки и перспективы*. М.: Аспект Пресс.
11. Полулях Д.С. (2017) Турбулентность как характеристика современного мирового порядка. *Политическая наука*. Специальный выпуск.

12. Супрун В.И. (ред.) (2011) *Динамика инноваций*. Новосибирск.
13. Талеб Н.Н. (2014) *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. М.: Изд-во КоЛибри, Азбука-Аттикус. 768 с.
14. Фененко А.В. (2015) Современные конфликты – отражение войн XVII–XVIII веков. *Российский совет по международным делам*. Available at: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-konflikty-otrazhenie-voyn-xvii-xviii-vekov/> (дата обращения: 21.11.2024).
15. Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem. 480 с.
16. Хаас Р. (2014) Разваливающийся миропорядок. *Россия в глобальной политике* 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/razvalivayushhjsya-miroporoyadok/> (дата обращения: 23.11.2024).
17. Хабермас Ю. (2023) *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика*. Пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Новое литературное обозрение. 104 с.
18. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие* / Пер. с нем. С.В. Шачина под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова. – М.: Наука, 2000. – 380 с.
19. Хобсбаум Э. (2004) *Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914–1991*. М.: Независимая газета. 632 с.
20. Шмитт К. (1992) Понятие политического. *Вопросы социологии* 1(1): 35–67.
21. Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt. P. xv–xvi.
22. Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in world politics: A theory of change and continuity*. Princeton: Princeton University Press. 480 p.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-8

THE EVE OF GLOBAL CONFLICT OR CONTRA SPEM SPERO?

Dr. Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Editor-in-Chief, “Comparative Politics Russia” Journal; Member, Public Chamber of the Russian Federation and the Public Council under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Professor, HSE University.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: The article contains the description of the world political context that influences the evolution of the military-political sphere. The articles of the presented issue are devoted to this analysis. As a methodological framework, it is proposed to use the information introduced into scientific circulation by J. Rosenau in 1990, the concept of turbulence in world politics, which was developed in later literature. For an adequate interpretation of current trends in military policy, it is proposed to take into account the differences between modern conflicts and wars from their previous forms. In particular, it is appropriate to take into account the differences between total and limited wars established in the literature earlier. Another conceptual characteristic of modern

wars is the theory of "world war" formulated in the doctrinal documents of the United States, in which military conflicts and their borders become indistinct, while the opposing sides include both military units and irregular formations. It is noted that for Russia, the security problem is historically a key problem, which is determined by the geopolitical location of an extended land state. The influence of this geopolitical circumstance was reflected in the configuration of Russian statehood with its traditional emphasis on a rigid hierarchy of governance, a strictly vertical decision-making algorithm and the centralization of the territorial structure, as a result of which hierarchization was not just an attribute of the historical evolution of Russia, but an archetypal form of organization of the country's political space. In the modern world, the matrix of social organization is changing: a network appears next to the hierarchy, which problematizes the lack of alternative hierarchical decision-making algorithm and actualizes the updating of security concepts.

Keywords: turbulence, world politics, security, defense capability, military policy

References:

1. Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt. P. xv–xvi.
2. Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society: Towards a New Modernity]*. Moscow: Progress-Traditsiya. 383 p. (In Russian).
3. Beck U. (2007) *Vlast i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya [Power in the Global Age: A New Global Political Economy]*. Moscow: Progress-Traditsiya: 464 p. (In Russian).
4. Derrida J. (2007) *Pozitsii [Positions]*. Moscow. 160 p. (In Russian).
5. Fenenko A.V. (2015) *Sovremennye konflikty – otrazhenie voyn XVII–XVIII vekov [Modern Conflicts as a Reflection of Wars of XVII–XVIII Centuries]*. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/sovremennye-konflikty-otrazhenie-voyn-xvii-xviii-vekov/> (accessed 21 November 2024). (In Russian).
6. Foucault M. (1999) *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyur'my [Modern conflicts as a reflection of wars of XVII–XVIII centuries]*. Translated from French by V. Naumov, edited by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem: 480 p. (In Russian).
7. Gaman-Goluvina O.V. (2005) Razvitie kategorii «politicheskaya kul'tura» v obshchestvenno-politicheskoy mysli [Development of the Category 'Political Culture' in Socio-Political Thought] *Politeks [Political expertise: POLITEX]* 1(2): 38–49. (In Russian).
8. Gaman-Goluvina O.V. (ed.) (2012) *Politicheskij klass v sovremennom obshchestve [Political Class in Modern Society]*. Seriya Biblioteka RAPN. Moscow: Rosspen, 2012. (In Russian).
9. Giddens A. (2004) *Uskolzayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]*. Moscow: Izdatelstvo «Ves mir». 120 p. (In Russian).
10. Haass R. (2014) Razvalivayushchiysya miroporyadok [The Unraveling]. *Rossiya v globalnoy politike [Russia in Global Affairs]* 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/razvalivayushchiysya-miroporyadok/> (accessed 23 November 2024). (In Russian).
11. Habermas J. (2000) *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral Consciousness and Communicative Action]*. Translated from German by S. Shachin, edited by D. Sklyadnev, afterword by B. Markov. Moscow: Nauka. 380 p. (In Russian).
12. Habermas J. (2023) *Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery i deliberativnaya politika [A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics]*. Translated from German by T. Atnashev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 104 p. (In Russian).

13. Hobsbawm E. (2004) *Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatyy vek, 1914–1991* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991]. Moscow: Nezavisimaya gazeta. 632 p. (In Russian).
14. Ivanov E.A. (2010) *Epistemologicheskie problemy postmodernistskoy filosofii istorii* [Epistemological Problems of Postmodern Philosophy of History]. PhD thesis. Samara. (In Russian).
15. Nikolsky B. (1991) *Voyny Rossii. V almanakhe «Russkiy kolokol», 1928* [Russia's wars. In the Almanac «Russian Bell», 1928]. *Nash sovremennik* 5: 182–185. (In Russian).
16. Operativnaya kontsepsiya armii SSHA. *Pobeda v slozhnom mire. 2020–2040*. [U.S. Army Operational Concept. Winning in a Complex World. 2020–2040] (2015) In: *Mirovovyna. Vse protiv vseh. Noveishie kontsepsii anglo-saksov* [World Warfare. All against all. The latest Anglo-Saxon concepts]. Compiled by E. Larina, V. Ovchinsky. Moscow: Knizhnyy mir. 416 p. (In Russian).
17. Polulyakh D.S. (2017) *Turbulentnost kak kharakteristika sovremennogo mirovogo poryadka* [Turbulence as a Characteristic of the Contemporary World Order. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Special issue. (In Russian).
18. Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in world politics: A theory of change and continuity*. Princeton: Princeton University Press. 480 p.
19. S.V. Patrushev, L.E. Filippova (eds.) (2015) *Istoriya Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki* [History of the Russian Political Science Association]. Series: Russian Political Science: History and Prospects. M.: Aspekt Press. (In Russian).
20. Schmitt K. (1992) *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. *Voprosy sotsiologii* [Issues of Sociology] 1(1): 35–67. (In Russian).
21. Suprun V.I. (ed.) (2011) *Dinamika innovatsiy* [Dynamics of Innovation]. Novosibirsk. (In Russian).
22. Taleb N.N. (2014) *Antikhrupkost. Kak izvlech' vygodu iz khaosa* [Antifragile: Things That Gain From Disorder]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. 768 p. (In Russian).